

разговора. Более короткие паузы при смене очередности сигнализируют о стратегии вежливости, основанной на солидарности. Данный вывод применим и к конкретизации основной идеи в инициальной части дискурса. Следовательно, коммуникант, чьи идеи обсуждаются, будет использовать короткую паузацию в соответствии с необходимостью контроля темы. Комбинация данных факторов и приводит к появлению асимметричного диалогического дискурса, напоминающего монолог.

Индуктивная модель дискурса учитывает концепцию лица. Как и в западной традиции, инициатор общения вводит тему, но возвращается к ней лишь после соответствующего коммуникативного блока, направленного на поддержание лица. Данный факт можно объяснить использованием ситуационного и аффективного стилей вербальной коммуникации, ориентированных на ролевые характеристики слушающего и на общую тональность коммуникации. Поэтому китаец, даже если и имеет возможность инициировать тему, будет ждать удобного момента, стараясь подыграть другим участникам коммуникации.

Следует отметить, что стратегия вежливости, основанная на солидарности, подчеркивает общность в позициях коммуникантов: участники признают право говорящего развить свою идею на том основании, что слушающий в равной мере будет заинтересован в репрезентации своей идеи.

Коммуникативная стратегия вежливости, основанная на дистантности, акцентирует отстраненность участников коммуникации друг от друга. Говорящий всячески стремится показать, что не намерен вторгаться в коммуникативное пространство партнера. Таким образом, можно предположить, что индуктивная риторическая стратегия наиболее эффективна, когда говорящий избегает поспешных умозаключений о том, что слушающий автоматически соглашается с его позицией.

ПОНЯТИЯ ДИСКУРС И ТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ

Клейнер Л. Н., Белорусский государственный экономический университет

В современной лингвистической литературе *дискурс* обычно определяется с помощью понятий *текст* и *коммуникативная ситуация*. Текст по отношению к дискурсу рассматривается как элементарная (базовая) единица дискурса, а дискурс как целый текст или совокупность объединенных каким-либо признаком текстов; текст также может рассматриваться как определенный результат функционирования дискурса, или может приравниваться к дискурсу.

Понятие дискурс-анализ ввел в научный обиход З. Харрис, понимая под ним формальную методику анализа составляющих текста. По его мнению, основная характеристика дискурса, отличающая его от простого набора предложений, — это структура или схема, в соответствии с которой сегменты дискурса соотносятся друг с другом. Однако несмотря на более чем полувекую историю дискурс-анализа, устоявшегося определения его нет, как и, впрочем, до сих пор нет соотносящегося с ним определения текста. Некоторые исследователи считают, что «дискурс — более широкое понятие, чем текст. Дискурс — это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)». С этой точки зрения дискурс — это «коммуникативно-речевой процесс, включающий текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с культурно-историческими, идеологическими, социальными, психологическими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когни-

тивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую упорядоченность языковых единиц при воплощении».

Среди различных определений можно выделить широкое и узкое понимание дискурса. В первом случае под этим термином понимается все то, что говорится и пишется, и, таким образом, здесь можно провести определенную аналогию с речевой деятельностью. В таком понимании дискурс можно считать родовой категорией по отношению к понятиям речь, текст, монолог, диалог.

В более узком смысле выделяются три основных подхода к определению дискурса: *формальный*, *функциональный* и *формально-функциональный*. В соответствии с первым подходом дискурс — это язык выше уровня предложения или словосочетания. Второй подход дает функциональное определение дискурса как всякого употребления языка и предполагает изучение функций дискурса в широком социокультурном контексте в их тесной связи с функциями языка. Третье определение — «дискурс как высказывания» — предполагает, что это не набор изолированных единиц языковой структуры, а целостная совокупность контекстуализированных единиц употребления языка.

При формально-функциональном подходе к дискурсу изучается взаимодействие формы и функции, причем анализируется цепочка связанных между собой высказываний. Однако подобным образом нередко определяют текст, поэтому возникает вопрос о соотношении этих двух понятий, а также единицах дискурса в отличие от текста. Но если исходные понятия предложения и высказывания строго не определены, а текст и дискурс рассматриваются как завершенные речевые произведения, то термины *текст* и *дискурс* лингвисты нередко отождествляют. В случае их дифференцированного использования *текст* часто понимают как абстрактную единицу наивысшего языкового уровня, а *дискурс* как наблюдаемое проявление языка. Вместе с тем существуют и более сложные толкования.

А. Г. Гурочкина, например, определяет *дискурс* как когнитивный процесс, связанный с созданием речевого произведения и пониманием этого произведения, а *текст* как конечный, имеющий определенную законченную форму *результат* процесса речевой деятельности. С ее точки зрения, *текст* может трактоваться как *дискурс* только тогда, когда он попадает в текущее сознание воспринимающего его индивида.

А. И. Варшавская интерпретирует *дискурс* как лингвистическую составляющую диалектического единства ментальной и языковой деятельности говорящего. *Текст* выступает у нее как *результат* дискурсивного мышления, отражающий связь идей говорящего, ход и последовательность изложения его мыслей.

Сходство подходов А. Г. Гурочкиной и А. И. Варшавской базируется на оппозиции *статичность/динамичность*, которая, по сути, соответствует прагматической концепции исследования функционального аспекта языка.

О. Н. Гордеева исходным моментом анализа *дискурса-текста* называет оппозицию *процесс/структура*, отражающую одну из основных закономерностей организации языка и характеризующую все его уровни. В данном случае речь идет не о двух противопоставляемых сущностях — *дискурсе* и *тексте*, а о двух аспектах одной и той же данности, а именно, о *дискурсе-тексте*. При исследовании *процессов* порождения или восприятия *дискурса-текста* в центре внимания оказывается его динамичность. При изучении *дискурса-текста* как результата речемыслительной деятельности анализируются такие его статические параметры, как форма и структура.

Популярность понятия *дискурс* в языковедческой среде и разночтения в его определении вполне закономерны, если вспомнить, какой долгий путь прошел сам

текст до получения им статуса основного объекта лингвистического исследования. Но даже сейчас многие аспекты текстовой проблематики требуют дополнительного изучения. Так, например, в ближайшей перспективе следовало бы расширить понимание текста как сложного языкового знака до понятия текста-дискурса, т.к. текст как единица языка потенциально дискурсивен, а дискурс по форме своего существования текстуален.

ON APPLICATION OF G. HOFSTEDÉ'S THEORY IN BELARUS

Коришук Е. В., Белорусский государственный университет

For obvious reasons—lack of IBM in the country and the fact that the country itself did not exist as a separate unit for a long time — no studies have been carried by G. Hofstede in Belarus.

Belarus emerged as a separate country in 1991, for the first time in its history.

Due to geo-political and historical reasons the territory of the country turned into a crossroads of transit routes from the North Sea to the Black and the Mediterranean Seas, from Continental Europe to Russia and further to Asia as well as from Asia to Europe.

Belarus was part of bigger multicultural, multinational states most of its history, starting with the Kievan Rus in the 9th—12th centuries, Great Duchy of Lithuania 12th—16th centuries, Rzecz Pospolita 16th—18th centuries, the Russian Empire and then the USSR. This led to the formation of an outstanding adaptation and integration techniques, acceptance, tolerance, division of labour on the one hand and to a very subdued sense of cultural identity, on the other.

Today Belarus is trying hard to find its place in the modern world, to build its own image. The process requires overcoming the presumably low degree of national identity awareness. The famous quotation runs, «To know how other people behave takes intelligence, but to know myself takes wisdom. (John Heider, The Tao of Leadership, 1998)». The least a teacher of intercultural communication can do is to promote understanding and knowledge of the students' own culture.

Going back to the starting point, there is no data on Belarusian cultural profile collected with the use of Hofstede's or von Trompenaars' methodology. Meanwhile under favourable circumstances data can be collected at the request of the author of this or that taxonomy, as it happened with Richard Lewis's National Cultural Profile. As a result, we have at least a pilot study data on NCP at present.

Another possibility is given by a series of interactive cross-cultural games like "Cultural Detective" that help to get acquainted with the values and analyze the cultural "bumps" people experience when the values of the interlocutors differ.

But where should the Belarusians place themselves on Hofstede's dimensions scale that proved to be very convenient for the application in both research and everyday life?

The options which might be suggested as possible ways of approaching the problem are as follows:

— collecting papers written by students who evaluate themselves, their relatives and friends according to Hofstede's dimensions. A certain number of such papers might be further analyzed to distinguish the major trends, to draw some conclusions about the position of Belarus on the scale;